

РЕЦЕНЗИИ

В. А. МИЛОВИДОВ. СЕМИОТИКА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА: МОНОГРАФИЯ. М.: БУКИ ВЕДИ, 2016. 172 с.

MILOVIDOV, V. A. SEMIOTICS OF LITERARY-AND-ARTISTIC DISCOURSE: A MONOGRAPH. MOSCOW, BUKI VEDI PUBL., 2016. 172 p.

Рецензируемая книга известного отечественного филолога представляет собой исследование, посвященное литературно-художественному дискурсу, рассматриваемому с позиций семиотики. Монография состоит из четырех глав, посвященных соответственно методологии дискурсивного анализа художественного текста и знаковым аспектам этого явления — его синтактике, семантике и прагматике.

Автор разделяет и развивает идеи М.М. Бахтина относительно природы речевой деятельности и дает следующее определение дискурса: “Диалогическая и динамическая мыслительно-речевая практика, протекание которой обусловлено местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения (креативным контекстом) и слушания (рецептивным контекстом), характером намерений говорящего и слушающего, особенностями специализированных языков, которыми кодируется сообщение, а также особенностями языков декодирования” (с. 13). Это определение безусловно является шагом вперед в общей теории дискурса, поскольку оно синтезирует традиционно выделяемые ситуативные характеристики дискурса, противопоставляя креативный и рецептивный контекст, с одной стороны, и средства вербализации общения, с другой стороны. Особенно важным здесь является определение языков — специализированные языки кодирования и декодирования. Такое понимание дискурсивной практики следует признать новым. Эта позиция автора не противоречит тезису М.М. Бахтина, который подчеркивал, что противопоставление говорящего и слушающего в диалоге всегда условно.

Важнейшим методологическим основанием для понимания художественного текста как дискурсивного, т.е. динамического феномена является четко формулируемый автором принцип комплементарности объекта филологического анализа. Если упростить положение дел, то можно сказать, что трехмерная семиотическая модель дискурса не сводится к простой бинарной схеме, предполагающей некий первоэлемент. Этот тезис последовательно обоснован в книге и заслуживает внимания

читателей. Интересна нетривиальная идея автора о коннотации как ключе к интерпретации текста: “Важнейшим моментом в интерпретации коннотативного значения знака становится учет контекста — интериоризированной участником коммуникации внетекстовой реальности, важнейшую роль в котором играет идиолексикон” (с. 41). Взаимодополнительность порой проявляется как амбивалентность (автор иллюстрирует это на примере гротеска, с некоторой степенью иронии относя этот прием к “поэтизм”, с. 42–44). Напрашивается возвращение к диалектичности — но здесь каждый выбирает для себя близкую собственной картине мира систему координат.

Рассматривая проблемы синтактики дискурсивного анализа художественного текста, В.А. Миловидов обсуждает один из самых трудных дискуссионных вопросов филологии — что есть художественность? Решение предложено в смене объекта изучения, в переходе с исследования текста к рассмотрению дискурса. Автор показывает, что осмысление текста как эстетического феномена обусловлено канонами культуры, в ряде случаев конвенциональными установками, но более важным моментом для превращения некой текстовой цепи в явление художественного уровня является разрыв привычных валентностей слов. Такой разрыв позволяет подняться на новый, более высокий уровень рекомбинации смыслов. Не менее значимым фактором художественности является противопоставление узнавания и видения реальности (по В.Б. Шкловскому). Заслуживает внимания затронутая в книге проблема так называемой формульной литературы — литературы, штампуемой в рамках массовой культуры с узнаваемыми клонированными сюжетами.

Продуктивной является общая схема семиотического понимания текста, согласно которой прагматика относится к замыслу произведения, семантика — к его воплощению, а синтактика — к инструментарию такого воплощения. Интересны и рассуждения автора о важнейших категориях художественного текста, в частности о символах:

«Многозначность символа – результат насилия дискурса над текстом. Чем “агрессивнее” романтический дискурс, тем более многозначен романтический символ» (с. 77). Говоря о сути лирического текста, В.А. Миловидов формулирует тезис, который, на мой взгляд, является программой исследования поэтического дискурса в целом: “Инструментом создания лирического художественного мира становится не ассоциация, а диссоциация; стратегией – не текстуализация лирического переживания, а детекстуализация, уничтожение текста, формой создания хронотопа – разрушение, в идеале (недостижимом в вербальном искусстве) – пространства и времени, т.е. создание *ахронотопичного* в своей основе произведения. Как удастся поэту воплотить это произведение в тексте – это главная загадка поэзии” (с. 88).

Говоря о семантике художественного дискурса, автор закономерно затрагивает проблемы его референции. Речь идет о фиктивной реальности, при этом «к “фиктивности” как реализации “притворной” референции добавляется “фикциональность” как реализация стратегии вымыслообразования» (с. 101). Автор подчеркивает, что при анализе художественного дискурса происходит перенос с референции как таковой, которую традиционно рассматривает классическая семантика, на референциальную среду, включающую “этические, эстетические, поведенческие и прочие конвенции, а также языковые компетенции, включающие нормы и правила жанрово-стилевого поведения, адекватного той или иной коммуникативной ситуации” (с. 103). Мы видим выражение акцентированного тезиса о том, что художественный факт может быть воспринят в этом качестве только тогда, когда он рассматривается как элемент культуры и взаимодействия личностей в культуре. Автор утверждает, что каждый элемент художественного мира обладает двойной референциальностью, поскольку относится и к миру внетекстовой реальности, и к миру реальности, конструируемой в тексте. Специалисты и все заинтересованные читатели обратят внимание на высказанные в книге рассуждения о семантизации шума, т.е. о наделении смыслом языковых единиц, значение которых вне художественного произведения является нулевым (например, в “замумной” поэзии). Семантический аспект художественного текста предполагает обращение читателя к его важнейшим элементам, к которым, как справедливо отмечает В.А. Миловидов, относятся

ключевые слова, особые единицы, выделяемые на основании качественного, а не количественного критерия, обладающие высокой энергетичностью и фокусирующие в себе идейное содержание произведения. Нельзя не отметить правомерность рассмотрения трансформации первичных речевых жанров в составе художественного текста при обсуждении принципиальных вопросов семантики такого типа текстов.

Весьма интересна короткая, но очень емкая глава, посвященная прагматике художественного текста. Именно в сфере прагматического осмысления текста выходят на первый план несовпадения между культурными доминантами мировидения. Это показано на материале 137-го шекспировского сонета в оригинале и переводе С. Маршака: для англоязычного мышления существенны антитезы, для русского миропонимания – переходы от одного полюса к другому. Очень глубоки размышления автора о сущности перевода и специфике трансформации переводимых художественных текстов в разные эпохи.

В заключении к книге формулируются перспективы этого исследования.

Уверен в том, что монография В.А. Миловидова станет заметной вехой в развитии семиотической теории художественного дискурса.

*В.И. Карасик,
доктор филологических наук,
профессор Волгоградского
государственного университета,
Россия, 400062, г. Волгоград,
Университетский проспект, д. 100
vkarasik@yandex.ru*

*Vladimir I. Karasik,
Doctor of Philological Sciences,
Professor at the Volgograd State University,
100 Universitetskiy Prospekt, Volgograd 400062,
Russia
vkarasik@yandex.ru*

*Дата поступления
материала в редакцию
10 сентября 2016 г.
Received by Editor
on September 10, 2016*